

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Турсунов Ойбек

Доктор философии по юридическим наукам (PhD)

<https://doi.org/10.5281/zenodo.15622615>

Иерархическая структура водного законодательства Республики Узбекистан представляет собой целостную систему правовых актов различной юридической силы, организованных согласно принципам вертикальной субординации и горизонтальной координации. В современных условиях глобализации правового пространства и трансграничного характера водных ресурсов данная структура приобретает особое значение как механизм гармонизации национального права с международными стандартами¹.

Конституционный уровень водного права образует статья 68 Конституции Республики Узбекистан, согласно которой «земля, ее недра, воды, растительный и животный мир и другие природные ресурсы являются общенациональным богатством, подлежат рациональному использованию и охраняются государством». Данная конституционная норма выступает правовым фундаментом всей системы водного законодательства, закрепляя принцип государственной собственности на водные ресурсы и императив их рационального использования².

Законодательный уровень представлен базовым Законом Республики Узбекистан «О воде и водопользовании», который выступает системообразующим актом всего водного законодательства. Данный закон устанавливает правовые основы использования и охраны водных ресурсов, определяет компетенцию государственных органов в сфере водных отношений, регламентирует права и обязанности водопользователей. Закон претерпел существенные изменения в период 2017-2023 годов, что отражает адаптацию водного законодательства к современным вызовам водной безопасности и международным стандартам водного права.

Подзаконный уровень водного законодательства характеризуется высокой степенью детализации и оперативности правового регулирования. Ключевое место в этой иерархии занимает Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «Об утверждении Положения о порядке водопользования и водопотребления в Республике Узбекистан», которое конкретизирует механизмы реализации базового закона. Это Положение устанавливает детальный порядок предоставления водных объектов в пользование, процедуры получения разрешений на специальное водопользование, критерии классификации видов водопользования и водопотребления.

Особое место в иерархии занимают акты Президента Республики Узбекистан, которые определяют стратегические направления водной политики. Постановление Президента Республики Узбекистан «О неотложных мерах по повышению

¹ Warren, L. K. (2024). The role of science in international water law. *Water International*, 49(6), 721–737.

² Soininen N, Belinskij A, Puharinen S-T. *Water law*. Cambridge Prisms: Water. 2023;1:e12.

эффективности использования водных ресурсов»³ иллюстрирует современный подход к управлению водными ресурсами в условиях нарастающего водного дефицита. Данный акт внедряет принципы водосбережения, цифровизации водного хозяйства и дифференцированного налогообложения водопользователей в зависимости от применения водосберегающих технологий.

Системный анализ иерархической структуры водного законодательства показал тенденцию к усилению роли стратегических документов программного характера. Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении концепции развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020-2030 годы» определяет долгосрочные приоритеты водной политики, включая модернизацию водохозяйственной инфраструктуры, внедрение технологии «Smart Water» и развитие государственно-частного партнерства в водном секторе, что, в свою очередь, соответствует международной практике стратегического планирования в сфере водных ресурсов⁴.

Функциональная классификация норм водного права представляет собой систематизацию правовых предписаний по характеру их регулятивного воздействия и роли в механизме правового регулирования водных отношений, что позволяет выявить внутреннюю логику построения водного законодательства и определить степень сбалансированности различных типов правовых норм в системе водного права.

Первую группу образуют нормы общего характера, которые устанавливают основополагающие принципы и понятийный аппарат водного права. Статья 2¹ Закона «О воде и водопользовании» содержит развернутую систему дефиниций, включающую 20 основных понятий: от базовых категорий «водные ресурсы», «водный объект», «водопотребитель» до специальных терминов «трансграничные водные объекты», «вредное воздействие вод», «водохозяйственный объект». Названные нормы выполняют системообразующую функцию, обеспечивая единство терминологии и концептуальную согласованность всего водного законодательства.

Вторую функциональную группу составляют нормы о праве водопользования и его видах, которые формируют правовую основу доступа к водным ресурсам. Законодательство Республики Узбекистан устанавливает дихотомическую классификацию водопользования на общее и специальное, дополняемую аналогичным делением водопотребления (Положение о порядке водопользования и водопотребления, пункты 7-10). Общее водопользование осуществляется без применения специальных технических сооружений и не оказывает существенного влияния на состояние водных объектов, тогда как специальное водопользование связано с использованием технических средств и подлежит лицензированию. Данная классификация отражает дифференцированный подход к регулированию различных по интенсивности и потенциальному воздействию видов водопользования, что соответствует международным стандартам водного права⁵.

Третью группу образуют нормы об охране водных объектов и экологической

³ Постановление Президента Республики Узбекистан «О неотложных мерах по повышению эффективности использования водных ресурсов» от 1 апреля 2023 года № ПП-107 // Национальная база данных законодательства, 03.04.2023 г., № 07/23/107/0184.

⁴ McCaffrey, S., Leb, C., Denoon, R. (2019). Research Handbook on International Water Law. Edward Elgar Publishing.

⁵ Dellapenna, J.W. (2008). The Evolution of the Law and Politics of Water. Springer-Verlag, pp. 234-256.

безопасности, которые отражают экологизацию водного права и интеграцию экосистемного подхода в правовое регулирование. Закон «О воде и водопользовании» устанавливает систему мер по охране вод от загрязнения, засорения и истощения, включая запрет сброса сточных вод без очистки, создание водоохраных зон и полос, контроль качества сбросов. Особое место занимают нормы о предотвращении вредного воздействия вод, регламентирующие защиту территорий от наводнений, подтоплений и других негативных гидрологических явлений.

Четвертую функциональную группу составляют нормы о государственном управлении в сфере водных отношений, определяющие институциональную архитектуру водного сектора. Главы II-III Закона «О воде и водопользовании» детально регламентируют компетенцию различных органов власти: от Олий Мажлиса и Кабинета Министров до местных органов управления. Центральное место занимает Министерство водного хозяйства Республики Узбекистан, которое осуществляет государственную политику в области использования и охраны водных ресурсов, выдает разрешения на специальное водопользование, ведет государственный водный кадастр.

Пятую группу образуют процедурные нормы, регламентирующие порядок реализации материальных водно-правовых предписаний. Положение о порядке водопользования и водопотребления детально описывает процедуры получения разрешений на специальное водопользование (главы IV-V), включая требования к документации, сроки рассмотрения, основания для отказа. Особую подгруппу составляют нормы о лицензировании, которые устанавливают административно-правовые механизмы контроля доступа к водным ресурсам. Процедурные нормы играют ключевую роль в обеспечении эффективности водного законодательства, поскольку определяют практические механизмы реализации материальных предписаний.

Шестую функциональную группу составляют нормы юридической ответственности, которые обеспечивают принудительную силу водного законодательства. Глава XXVII Закона «О воде и водопользовании» устанавливает общие принципы ответственности за нарушение водного законодательства, предусматривая административную, уголовную и материальную ответственность в зависимости от характера и тяжести правонарушения. Статьи 117-118 регламентируют возмещение убытков, причиненных нарушением водного законодательства. Данная группа норм выполняет превентивную и восстановительную функции, стимулируя соблюдение водного законодательства и обеспечивая компенсацию причиненного ущерба.

Функциональный анализ норм водного права раскрывает тенденцию к усложнению и диверсификации правового регулирования водных отношений. Современное водное законодательство Республики Узбекистан характеризуется преобладанием императивных норм над диспозитивными, что отражает публично-правовую природу водных отношений и приоритет государственного регулирования. Данная тенденция соответствует современным подходам к интегрированному управлению водными ресурсами, сочетающим административное регулирование с

экономическими стимулами⁶.

Перспективным направлением развития функциональной структуры водного права представляется усиление норм цифрового регулирования, связанных с внедрением информационных технологий в управление водными ресурсами. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-107 от 1 апреля 2023 года предусматривает масштабное внедрение технологии «Smart Water» и цифровизацию водохозяйственных объектов, что потребует формирования новой группы норм, регулирующих цифровые аспекты водных отношений. Такой процесс отражает общемировую тенденцию цифровой трансформации водного сектора и формирования так называемого «цифрового водного права».

Соотношение водного законодательства Республики Узбекистан с международными обязательствами представляет собой сложную систему взаимодействия национального права с универсальными и региональными нормами международного водного права. Данное взаимодействие особенно актуально в контексте географического положения Узбекистана в центре водного бассейна Аральского моря и его зависимости от трансграничных водных ресурсов рек Амударья и Сырдарья. Трансграничный характер более 80% водных ресурсов страны обуславливает императивность гармонизации национального водного законодательства с принципами и нормами международного права.

Концептуальной основой данного соотношения выступают фундаментальные принципы международного водного права, кодифицированные в Конвенции ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года⁷. Статья 4 Закона «О воде и водопользовании» прямо закрепляет, что «право на пользование водами из трансграничных водных объектов устанавливается международными договорами Республики Узбекистан». Данная норма отражает признание приоритета международного договорного права в регулировании трансграничных водных отношений. Вместе с тем имплементация принципов справедливого и разумного использования, непричинения значительного ущерба и сотрудничества (статьи 5-7 Конвенции ООН 1997 года) в национальном законодательстве остается фрагментарной.

Региональный уровень международно-правового регулирования представлен системой многосторонних соглашений государств Центральной Азии, ключевым из которых является Соглашение о сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников 1992 года. Данное соглашение создало Межгосударственную координационную водохозяйственную комиссию (МКВК), которая выполняет функции межгосударственного органа по координации использования водных ресурсов бассейна Аральского моря.

Двусторонний уровень международного сотрудничества характеризуется сетью

⁶ McCaffrey, C. Stephen; Leb, Christina; Denoon, T. Riley --- "Research Handbook on International Water Law" (Edward Elgar Publishing, 2019) [2019] ELECD 52.

⁷ Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков. Принята резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи от 21 мая 1997 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml

межправительственных соглашений Узбекистана с сопредельными государствами по конкретным водным объектам. Соглашение между Правительством Республики Узбекистан и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области использования водно-энергетических ресурсов реки Сырдарья устанавливает механизмы координации водно-энергетического режима каскада Сырдарьинских водохранилищ. Аналогичные соглашения заключены с Туркменистаном по совместному использованию водных ресурсов реки Амударья и с Казахстаном по малым трансграничным рекам⁸. Однако практическая реализация этих соглашений затрудняется различиями в национальных приоритетах водопользования и отсутствием эффективных механизмов разрешения споров.

Современные проблемы климатических изменений и усиления дефицита воды актуализируют значение международного сотрудничества в области адаптации к изменению климата. Концепция развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020-2030 годы предусматривает «развитие международного сотрудничества в области использования и охраны трансграничных вод на основе принципов международного права», что подтверждает важность международно-правовых принципов для долгосрочного планирования водного хозяйства, однако конкретные механизмы имплементации этих принципов в национальное законодательство остаются недостаточно проработанными.

Концепция развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020-2030 годы, представляет собой основополагающий стратегический документ долгосрочного планирования водного сектора. Концепция определяет пять приоритетных направлений развития: модернизация и развитие объектов водного хозяйства, автоматизация управления на основе цифровых технологий, обеспечение безопасности гидротехнических сооружений, совершенствование системы управления водными ресурсами, развитие международного сотрудничества. Документ устанавливает целевые показатели снижения потерь воды в ирригационных системах до 15% к 2030 году, увеличения объема инвестиций в водное хозяйство в 2,5 раза, внедрения водосберегающих технологий на 1,2 млн гектаров орошаемых земель.

Таким образом, кодификационные процессы в водном праве Республики Узбекистан отражают потребность в систематизации и обновлении правовой базы с учетом накопленного опыта правоприменения и современных вызовов. Базовый Закон «О воде и водопользовании» 1993 года претерпел множественные изменения, что снижает его системность и логическую согласованность. Мы солидарны с мнением У.Саидахмедова⁹ о необходимости разработки и принятия нового Водного кодекса Республики Узбекистан. Актуальность данного предложения подтверждается тем, что Сенат Олий Мажлиса одобрил закон о Водном кодексе Республики Узбекистан, что свидетельствует о практической востребованности научных разработок в области кодификации водного права Республики Узбекистан. При этом Водный кодекс будет интегрировать современные принципы интегрированного управления водными

⁸ Норбекова В.С. Проблемы использования трансграничных водных ресурсов в центральноазиатском регионе. European science, №. 6 (7), 2015, С. 14-17.

⁹ Саидахмедов, У. (2023). Гражданско-правовые вопросы регулирования водопользования: необходимость принятия Водного кодекса Республики Узбекистан. Общество и инновации, 4(1), 55–61.

ресурсами, цифровые технологии, экономические инструменты регулирования, экосистемный подход и климатическую адаптацию в единую непротиворечивую систему правовых норм. Такой подход соответствует международной практике кодификации водного законодательства и может обеспечить долгосрочную стабильность правового регулирования водных отношений.

References:

Используемая литература:

Foydalanilgan adabiyotlar:

1. Dellapenna, J.W. (2008). The Evolution of the Law and Politics of Water. Springer-Verlag, pp. 234-256.
2. McCaffrey, C. Stephen; Leb, Christina; Denoon, T. Riley --- "Research Handbook on International Water Law" (Edward Elgar Publishing, 2019) [2019] ELECD 52.
3. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков. Принята резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи от 21 мая 1997 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml
4. Норбекова В.С. Проблемы использования трансграничных водных ресурсов в центральноазиатском регионе. European science, №. 6 (7), 2015, С. 14-17.
5. Постановление Президента Республики Узбекистан «О неотложных мерах по повышению эффективности использования водных ресурсов» от 1 апреля 2023 года № ПП-107 // Национальная база данных законодательства, 03.04.2023 г., № 07/23/107/0184.
6. Саидахмедов, У. (2023). Гражданско-правовые вопросы регулирования водопользования: необходимость принятия Водного кодекса Республики Узбекистан. Общество и инновации, 4(1), 55–61.
7. Warren, L. K. (2024). The role of science in international water law. Water International, 49(6), 721–737.